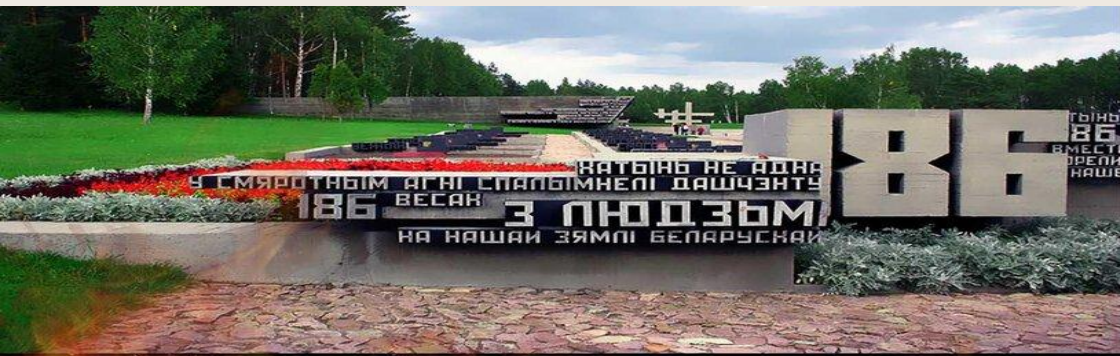


Живая память Ельского района



*В ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
ГИТЛЕРОВСКИЕ ОККУПАНТЫ
ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО
СОЖГЛИ ВМЕСТЕ С ЖИТЕЛЯМИ
1452 СЁЛ И ДЕРЕВЕНЬ*

Дети войны

Воспоминания Чёрной (Ахраменко) Марии Михайловны, 1933 г.р.

(д. Санюки).



Когда началась война, мне было 8 лет. О том, что началась война, жители д. Санюки узнали из сообщения по радио. Возле здания сельсовета на столбе висел такой рупор. На следующий день все мужчины призывного возраста собрались у с/Совета, а уже оттуда на подводах их повезли в Ельск, в райвоенкомат. Никто не думал, что война продлится долго, шли с таким настроением, что в течение короткого времени враг будет разгромлен. Помню, как мы провожали моего отца, Ахраменко Михаила Сидоровича, 1909 г.р. Мы шли по улице к

сельсовету. Мама моя и сестра Наташа (1931 г.р.) шли рядом, а меня отец посадил на плечи и нёс. Ещё помню пели песню:

«Ты не плачь, не горюй,
Моя дорогая.
Коль придётся умереть,
Знать судьба такая...»

Больше я никогда своего отца не видела. Он пропал без вести в январе 1944 г.

Пока ещё в деревню не пришли немцы, совхозный скот погнали на Восток. Для этого район назначил жителей нашей деревни Мельника Степана и Назарчук Ольгу, а также молодых парней Назарчука Ивана и Красного Ивана. Эти парни погибли. В Санюки не вернулись.

Из Санюков в д. Михалки ведёт дорога. Так называемый Екатерининский шлях. И вот через некоторое время по этой дороге на мотоциклах приехали фашисты. Возле сельсовета стояла деревянная вышка, с которой были видны деревни Половки и Бобруйки. Кто-то с этой вышки и увидел, что немцы едут. Подъехали к сельсовету с автоматами на шее, что-то между собой по-немецки говорили. А мы, дети, целой ватагой прибежали смотреть. Мы никогда не видели мотоциклов, нам было любопытно.

У нас в Санюках жили еврейские семьи. Еврей Ицко до войны работал почтальоном, он и ещё несколько евреев встречали немцев: несли на тарелках масло, яйца и другие продукты. А на следующий день фашисты приехали, собрали всех евреев и расстреляли. Я знаю, что среди них был Мордух-портной.

Когда пришли немцы забирать семью Раи Кимбаровской, то она выскочила в окно и убежала в лес, а её двух сыновей (1936 и 1940 г.р.) забрали и расстреляли вместе с остальными. А эта Рая спряталась в погребке Антроповой Кати. Она больше месяца её скрывала, а потом Кимбаровская Рая ушла в партизанский отряд Наровлянского района.

Немцы в основном находились в г. Ельске, а в Санюки приезжали «наездами». В здании школы расположился отряд словаков, они там были до 1943 года, а потом

перешли к партизанам. Словаки были неплохие, нормально относились к местным жителям.

В первые дни войны мост возле д.Мазуры подожгли председатель с/Совета Сухомель и председатель колхоза Косенко из д. Добрынь. Немцы их поймали, мучали. Косенко расстреляли, а Сухомеля закопали живым. Так рассказывали санюковцы. Мост немцы отстроили, а вот охранять его стали мадьяры (венгры). Жили они в бункерах, недалеко от Мазуров. Мадьяры были очень жестокие, их все боялись.

До 1944 года Санюки были под немцами. Несколько раз за этот период фашисты окружали деревню, собираясь уничтожить всех жителей. Однажды (летом или осенью, уже и не помню точно) под предлогом проверки документов всех жителей деревни собрали в здании начальной школы, окружили здание пулемётами, наносили соломы, забили окна. Мама нас спрятала дома, а сама ушла с односельчанами. Мы слышали, как люди голосили, прощались. Многие стали молиться. Но каким-то чудом людей не сожгли. Когда всё было готово к расправе, из Ельска пустили зелёную ракету. Это означало отмену расправы над людьми.

Когда в 1941 г. советские войска отступали, то шли по дороге на д. Половки пешком. Их было очень много.

В декабре 1943 г. мама решила отвести меня и сестру к родственникам в д. Половки. Дед и баба остались дома, чтобы назавтра с коровой и какими-то вещами тоже в Половки прийти. Но в Половках уже стояли советские солдаты и нас обратно не пустили. Вечером, когда стало темнеть, мы увидели, что в Санюках горят дома. Немцы стали бить из орудий, и в Половках стали рваться снаряды. Мы с мамой и другими жителями побежали в д. Романовка, затем в д. Завайть. Потом пошли в д. Кныровка (сейчас Калиновое) Наровлянского района. Жили там беженцами в одной семье. Жили не просто так, а за работу: мама молотила хозяину снопы целыми днями, а я просила у людей милостыню, потому что хозяин нам кушать не давал, говорил: «Вы своё немцам оставили, а на чужое не зарьтесь».

В январе сообщили, что Ельск освободили, и мы вернулись в Санюки. Окрестности, все поля были заминированы. Люди шли по одной тропинке след в след. Кто оступался – подрывался на mine. Погибли Назарчук Параска, молодой семнадцатилетний парень Мищенко Володя. Подорвался на mine и Назарчук Фёдор, 1931 г.р.

Когда мы вернулись в свою хату, то там стояли одни стены. Ни окон, ни дверей, ни пола, ни потолка – всё немцы забрали на строительство блиндажей. Позакрывали окна простилками, затопили печь и стали жить. В нашем доме жили три семьи: наша, Назарчук Марьи и Хомутовской Надежды (их дома сгорели). Жили мы дружно, шестеро детей и трое взрослых.

Когда шёл рабочий батальон, то в уцелевшие дома подселяли солдат.

Потом мы заболели тифом. Всех заболевших собрали в одну хату. Набросали на пол солому, и мы лежали на этом полу. Оставили медсестру лечить. За больными ухаживали Сороченко Ольга и Гарбар Соня. Когда весной появились первый щавель и крапива, то они варили из них борщ и это варево раздавали нам в консервных банках.

Потом стали восстанавливать колхоз: 6 баб впрягались в плуг, а 7-я шла за плугом. Так пахали поле.

Когда осенью пошли в школу, то не на чем было писать. Писали на старых газетах в пробелах. Тетради сшивали из старых газет, да и их практически не было. Ходили босиком или в лаптях. На весь класс была одна книга. Чернила делали из красной свеклы или из сажи.

Когда мы были в беженцах, то узнали, что расстреляли мирных жителей д. Санюки. Среди погибших были мои дедушка, Сороченко Иван Моисеевич (ему было 64 года) и бабушка, Сороченко Маланья Даниловна 69 лет.

Всего было расстреляно 39 человек.

Погибло на фронтах Великой Отечественной 55 человек.

Из воспоминаний Леонова Николая Филимоновича (1927 г.р.).

Когда началась война, мне было 14 лет. Дом наш стоял недалеко от сельсовета, почти через дорогу. И когда фашисты первый раз появились в деревне, они подъехали к сельсовету на мотоциклах и машинах. Мы, пацаны, побежали смотреть, потому что никогда не видели таких мотоциклов и машин. Напротив сельсовета жил еврей Ицко. Он встречал их и подносил им что-то. А немцы зашли во двор к Ицку, заглянули в сарай. Там было много кур. Они стали из автоматов по ним стрелять. Настреляли кур и поехали мимо кладбища по направлению к д. Мазуры.

У нас в деревне жил ещё еврей Мордух, портной. У него был сын Есель. Я с ним в школу вместе ходил. Так вот, когда немцы возле сельсовета стояли, а мы их машины рассматривали, этого Еселя позвал один немец и сказал по-русски: «Скажи всем евреям, чтоб прятались, убегали из деревни, и ты убегай, потому что вас всех убьют». Но никто всерьёз не принял слова этого немца.

Вскоре всех евреев увезли и убили.

До войны был у нас учитель Данильченко, историю преподавал. Он ушёл на фронт. Его жена была еврейка, четверо детей было, младшей 3 года. В первый раз немцы её не забрали, дети были со светлыми волосами, она иконы повесила в доме. А потом, через некоторое время немцам кто-то подсказал (возможно, староста) и всю семью их забрали, перед расстрелом ещё мучили.

Когда пришли немцы, то у кого были большие дома, к тем они и подселялись. У нас была семья большая: один брат и четыре сестры. В нашем сарае немцы сделали конюшню, там только их лошади стояли. Два немца за ними ухаживали. Старый немец был очень злой и жестокий.

На нашем огороде сделали большой блиндаж. А нас, подростков, гоняли на строительство укреплений возле шоссе в начале деревни. Мы подводами лес возили, копали траншеи. Отказаться было невозможно, потому что приходили в дом и гнали на работу. Иногда немцы, иногда мадьяры, но всегда с ними ходил по домам полицай из Ельска Козинцев, он всегда ходил с ручным пулемётом. Однажды приказали мне и моему другу Ильюше Леонову, чтоб мы разбирали печь в школе начальной. Мы работали по очереди, сначала Илья, потом я, он разбирает, я нагружаю. Когда я остановился передохнуть, пришёл мадьяр и увидел, что я стою. Он схватил большую палку и начал меня избивать, безжалостно и жестоко.

Однажды жителей нашей деревни чуть не сожгли в здании школы. Пришли к нам в дом два мадьяра с автоматами, начали кричать: «Партизан, партизан, берите документы, на собрание идите». И погнали людей к школе, где уже стояли пулемёты. Но кто-то от Яна Налепки успел вовремя сказать, что нет в Санюках партизан, и людей отпустили. Чудом остались жить!

Некоторые односельчане семьями уходили в лес и там жили в куренях. Наша семья и семья родственника тоже ушли, взяли корову, кое-какие пожитки и ушли за белое болото. Пошли мы с моим братом Аркадием (1933 г.р.) за водой в болото, тут слышим крики, выстрелы. Это немцы облаву устроили. Брат мой побежал туда, где наша семья, до куреней, а я побежал вглубь леса. Немцы людей погнали в д. Михалки. Я дождался ночи, подошёл к Санюкам, а там стреляют, дома горят, я опять пошёл в лес. Зима, я

был в сапогах и фуфайке, нашёл простилку, замотался и так трое суток ходил по лесу. Потом встретил родственника и пошёл с ним в д. Бовгарка.

Когда освободили Санюки, мы вернулись в деревню. Бой был жестокий, лежали повсюду трупы и наших солдат, и немцев. Организовали нас, подростков, собирать убитых бойцов, со мной были Красный Володя, Назарчук Володя. Запрягли мы подводу и стали собирать. Помню, один за деревней лежал с пулемётом, у него ногу оторвало. А ещё у одного бойца была медаль за Сталинград. Мы их свозили на кладбище. Человек из военкомата собирал их документы. Бабы выкопали яму (Клавдия Кимпал, Мотя Горелько и др.), мы заслали яму шинелями, положили солдат, остальными шинелями накрыли. Так и похоронили.

В 1944 году меня от военкомата призвали в армию. Я служил в Слуцке, в 6-ой окружной школе снайперов. Там обучался полгода, а когда война закончилась, перевели в Ново-Борисов. Там построили землянки и в землянках мы жили. Оттуда набирали во флот. Так я попал в Таллин, затем в Финляндии служил, домой пришёл только в 1952 г.



Из воспоминаний бывшей медсестры 37-й Ельской партизанской бригады Бардашевич Марии Демьяновны

После первой неудачной попытки освободить Ельск (это было во второй половине ноября 1943 г.) наши отряды совместно с воинскими подразделениями предприняли очередную попытку. Расположились в д.Млынок, Добрынь и Даниловка. Ночью копали окопы, а днём вели наблюдение. И так около двух недель. Новый 1944 год встречали в окопах. И всё это время немцы вели артиллерийский обстрел этих деревень в разное время суток. Однажды налёт был таким сильным, что снаряды падали очень кучно, один угодил в угол дома, где находились военные. А рядом расположились партизаны. Были убитые и много раненых. Мне впервые за два с лишним года нахождения в партизанском отряде и участия в большинстве боевых операций пришлось видеть столько крови. Через некоторое время после такого обстрела разведка сообщила, что на нас пойдут танки. Но в каком направлении, мы не знали.

И вот уже в январе 1944 года во второй половине дня немецкие танки пошли на д.Даниловка, где в обороне находился наш отряд «За Родину!» (командир Падалка Иван Фёдорович). Танков насчитали около 10, я в это время была уже в д.Добрынь на улице возле школы. На краю улицы стоял недостроенный дом. Фундамент для веранды был таким высоким, что, стоя на нём, мне видны были танки как на ладони.

Вступив в д.Даниловка и встретив сильное сопротивление (их забросали гранатами и бутылками с зажигательной смесью), фашисты дрогнули и повернули обратно. Один танк подорвался на mine, ещё один подбили, но всё-таки один танк сумел прорваться к д.Добрынь через спиртзавод, где была вторая линия обороны. Солдаты из противотанкового ружья прямой наводкой подбили его, и он сгорел.

В ту ночь все строевые партизаны были переданы в армию. Остальным предстояло вернуться в лагерь. Двигались группами. В нашей группе, где командиром был Радько Михаил Петрович, насчитывалось 15 человек. Когда, наконец, мы вышли на шоссе, то увидели, что по обочине в сторону д. Роза Люксембург двигались советские воины и техника.

Нам нужно было перейти речку, но, миновав д. Роза Люксембург, вдруг из-за поворота на нас помчался вражеский танк. Мы бросились в ближайший кювет. По нам строчил вражеский пулемёт. Немцы решили, что всех уже убили и развернулись обратно. Здесь погиб наш Мороз Михаил Карпович и был ранен Пантюк Василий. Мороза похоронили на краю д. Роза Люксембург. До лагеря добрались только через сутки.

Из воспоминаний Трофимовой Елены Григорьевны, уроженки д. Кузьмичи



12 июля 1942 года приехали в село полицаи из местных, жандармерия, согнали молодёжь в кучу, поставили, убежать нельзя. Немцы обступили со всех сторон, голос, крик стоит. Погнали пешком до Ельска, ничего не дали с собой взять, даже куска хлеба. В Ельске был сборочный пункт, оттуда нас пешком попёрли на Пхов. Жара была жуткая. Погрузили нас в товарняки (молодые люди из Наровли и Ельска, 3000 человек), воды не давали. Комиссариату немецкому передали, что партизаны хотят отбить молодёжь. Немцы устроили засаду. Партизаны узнали об этом и бой не открыли, чтобы избежать гибели людей. На протяжении всего пути нас никуда не отпускали, жудасть была, убежать нельзя, кругом жандармы, полицаи, отойдёшь в сторону - расстрел.

По дороге нам есть не давали, только когда приехали в Германию нам дали по две варёные картоплины в лушпайках и по стакану чая.

Нас привезли в г. Мюнхен, выгрузили из вагонов и отправили всех на биржу труда. Там нас поставили по 4 человека в колонну, кто понравился, того и забирали. Я стояла сзади, хозяйка пришла и кивает мне, я вышла. Она взяла меня и повела на биржу труда, подошла к окошку и заплатила 18 марок. Потом я у неё спросила: «А за что вы заплатили 18 марок?» Она мне ответила, что купила меня и может мной распоряжаться, как хочет. Хорошо, если хозяева добрые, но попадались всякие.

У бауэршы я работала в огороде, парниках, высаживала рассаду, кормила кролей. Осенью нужно было всю землю просеять через сетку, потому что в земле было много камней. А весной надо было всю подготовленную землю перенести на огород, на грядки. А что ж, работник же дарэмны. Жили мы в котельной, которая отапливала зимние парники. Там мы все и размещались. Там была кровать, но сама комната не отапливалась. Нас было у хозяйки трое (мужчина лет 60 с мальчиком и я. Раньше – были серб и француз). Однажды, хозяйка отправила меня в лагерь, в Еголошкирхен. Он был недалеко, там работали рабочие. Потом я попросилась у хозяйки в лагерь, потому что холодно было ночевать в котельной. Так я и осталась в лагере, а потом уже оттуда ходила на работу.

Через некоторое время после приезда мне разрешили написать письмо домой. В письме я описала свою жизнь в Германии, что мне плохо, что хочу домой. Письмо дошло до Берлина и вернулось назад. Я расплакалась, потому что решила: раз письмо вернулось, значит, родных уже нет в живых. Хозяйка увидела мои слёзы и сказала, что письмо вернулось, потому что я плохо написала о жизни в Германии, а надо писать, что всё хорошо. Она привезла двойную открытку и сказала, как нужно писать: что здесь тебе хорошо живётся. Тогда письмо дойдёт (к тому времени, я уже понимала по-немецки, поскольку ходила там в школу). Через 9 месяцев мне пришёл ответ от

родных, и я узнала о судьбе своей деревни. Она была сожжена, как и деревня Скородное. Людей согнали и погнали до Буйнович, там они оказались в лагере. Затем мама и сёстры вернулись на Ельщину. В д. Роза Люксембург их приютила какая-то семья.

К тому времени (когда пришёл ответ на письмо) я уже находилась в лагере. Пробыла я в лагере полгода. Там было много людей разных национальностей: французы, поляки, итальянцы, хорваты, голландцы. Все страны, что были заняты немцами. Жизнь была нехорошая, тяжёлая. На день давали 100 г хлеба и баланду из брюквы и воды. Разве можно на это прожить? Другой раз иду у хозяйки кормить кролей и сама похлебаю кроличьей еды. В лагере песню сочинили, я помню её до сих пор:

Раскинулись горы высоко,
В ущелье бараки стоят,
А в этих бараках высоких
Рабочие с Востока сидят.

Не слышно там песен весёлых,
Но слышны страданья людей,
Которых привезли работать,
С широких колхозных полей.

Я знаю, на Родине нашей
Цветут, зеленеют сады
И светит там яркое солнце,
И громко поют соловьи.

Живу за границей два года,
Живу я «житухой» плохой.
И снова я буду счастлива,
Когда возвращусь я домой.

Ах, мама моя дорогая,
Я хлеба здесь вволю не ем,
Питаюсь одной баландою
И силу теряю совсем.

Не в силах я больше работать.
Работать я завтра не иду.
Отправят меня в концлагерь,
И там я, наверно, умру.

Раскинулись горы высоко,
В ущелье бараки стоят.
Работаем днём мы тяжёло

А ночью нас сильно бомбят.

На работах в Германии я была три года. Три года, как один день на каторге. Как Победа пришла, я ещё была в Германии. Освобождали нас американцы. Немцы забрались на частокол и глазают, а я следом дерусь, мне тоже хочется посмотреть, что это за военные. Хозяйка мне и говорит: «Иди, жни на огороде шпинат». Прогнала меня, я и пошла. А когда пришла с огорода, она мне и говорит: «Война кончилась». О, думаю, чего ты меня прогоняла. Пришли к ней американцы вечером, я им говорю, что мне завтра надо идти работать, а они говорят, что больше я работать не буду. Я спросила: «Почему?»

Хозяйка мне до этого сказала, что если бы пришли русские, то мы бы больше не работали, а если американцы, то будем работать, как и раньше. «Нет, вы больше работать не будете, мы вас будем отправлять домой», - сказали американцы.

Американцы в лагере нас глядели, дали хороший паёк. Стало нам гораздо легче. Но люди стали болеть, раньше ведь они голодали, а теперь их стали хорошо кормить. Началась дизентерия, поэтому в лагерь приезжал доктор.

В Мюнхене наши люди пошли к американцам (к главному) с вопросом: «Когда вы нас отправите домой?» А он говорит: «А что вы так спешите, ещё наработаетесь в колхозах, а, может, поедете в Америку?» А люди отвечают: «Мы хотим дадому». Тогда говорили, что Сталин издал приказ, чтобы всех русских вывезли в 24 часа, а американцы хотели отправить к себе...

День и ночь вывозили нас из лагерей. Американцы погрузили нас в машины по 20 человек, повезли на станцию, посадили в товарные вагоны и везли до города Бракаву. Там нас пересаживали для дальнейшей отправки домой, но перед этим развозили нас по лагерям. Так, в Бреславле был большой лагерь, находилась там 35 000 человек, а нас завезли в лагерь Хироу (это был русский лагерь). Там нас допрашивали. Спрашивали, как мы попали в Германию: добровольно или нас забрали силой. А я говорю: «Что вы нас пытаете, як мы попали. Мы – люди советские, мы – граждане Советского Союза!» Он на меня посмотрел, подписал бумагу, что мы прошли эту комиссию. Вот по этой бумаге (денег на билет у нас не было) нас отправляли домой. Добирались сами. В Хироу был сборочный пункт. Мы спросили, как добраться в Белоруссию. Нам сказали, какие поезда и мы поехали.

Помню, ехала из Торинца на Лунинец. В вагоне темно. А наш товарняк прицепили к пассажирскому. У меня был чемодан, я ехала с одной девочкой из д.Словечно. В то время было много жуликов, вижу: кто-то схиляется на мой чемодан. Мужчина спрашивает меня: «Куда вы едете?» Я говорю: «До Мозыря». Разговорились. Оказалось, что он тоже ельчанин, знает хорошо моего отца, а я с его сестрой в одном классе училась. До войны он работал председателем райисполкома в Ельске. Ильинковский его фамилия. Благодаря его помощи, мы доехали до Ельска в пассажирском детском вагоне.

Иду по улице с той девочкой, душа разрывается. Встретила своих родных, узнала, что отец пропал без вести. Несмотря на печальное известие, для всех нас это был самый счастливый день.

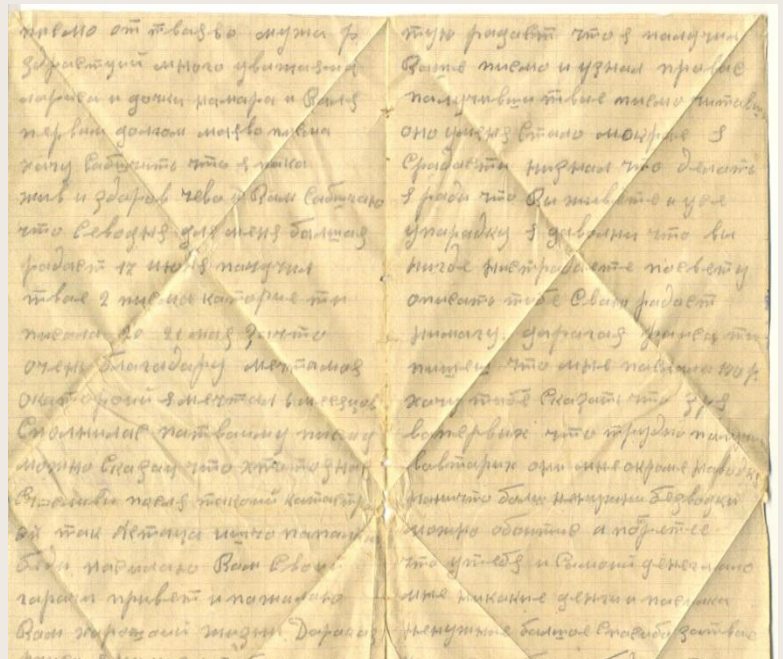
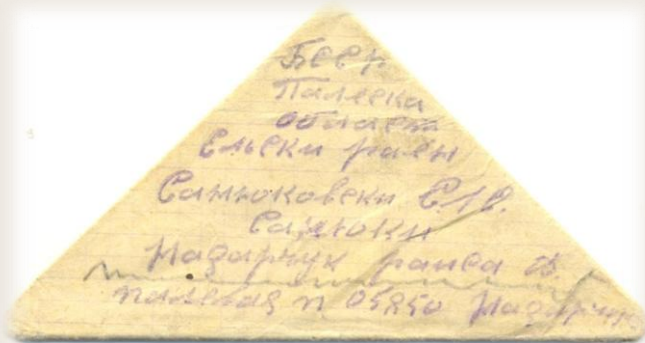
Письма с фронта



Здравствуйте, многоуважаемая Раиса и дочери Тамара и Валя! Первым делом моего письма хочу сообщить, что я пока жив и здоров, чего и вам желаю. Сообщаю, что сегодня для меня большая радость. 17 июня получил твои 2 письма, которые ты писала 20-21 мая, за что очень благодарю. Мечта моя, о которой я мечтал 6 месяцев, исполнилась. По твоему письму можно сказать, что кто-то из нас счастлив после такой катастрофы остаться живым. Посылаю всем свой горячий привет и желаю вам хорошей жизни.

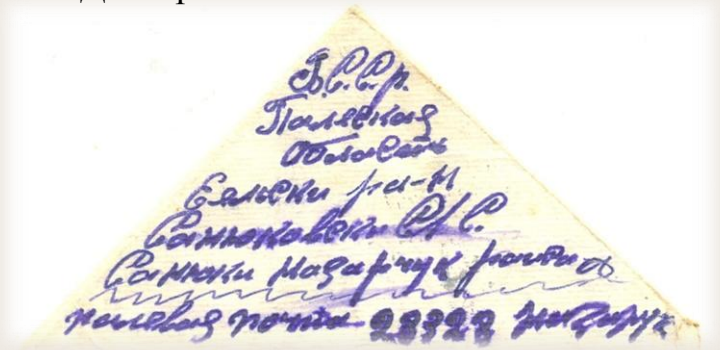
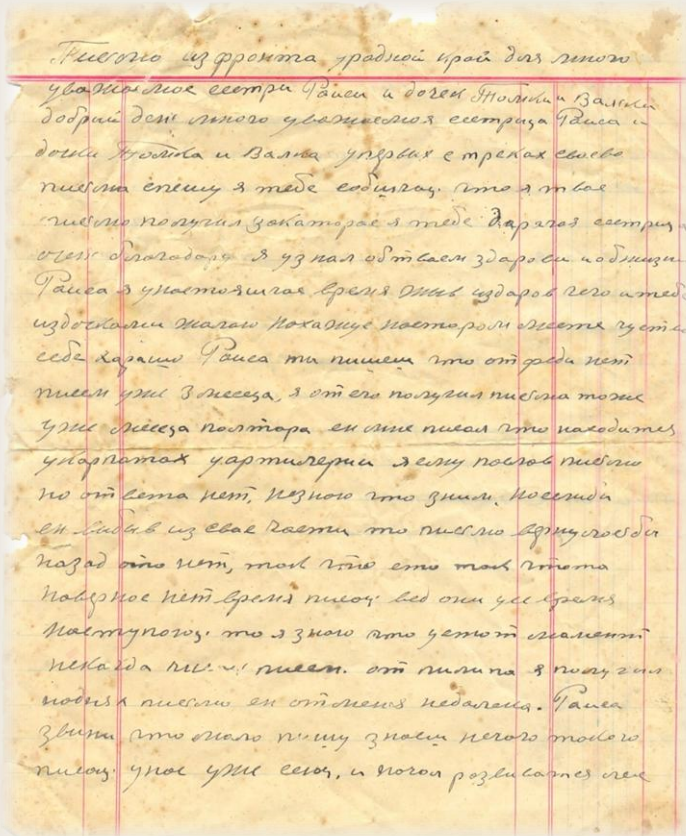
Дорогая Раиса, я не могу тебе описать ту радость, что я получил ваше письмо и узнал о вас. Когда читал ваше письмо, то оно было мокрое от слёз, я от радости не знал, что делать. Я рад, что вы живы и у вас всё в порядке, очень доволен, что вы нигде не скитаетесь по свету. Описать свою радость не могу тебе, дорогая Раиса. Ты пишешь, что послала мне 100 рублей. Хочу тебе сказать, что зря. Во-первых, что трудно получить, во-вторых, они мне ни на что, кроме как на водку не нужны. А без водки можно обойтись, и в третьих, что у тебя и самой денег мало. Мне никакие деньги не нужны больше. Спасибо за твои хлопоты обо мне, буду жить - отблагодарю за твои заботы по отношению ко мне. Смотри себя и дочек, обо мне не беспокойся. Я сейчас живу очень хорошо. Нахожусь третий месяц в госпитале, так поправился, что ты меня не узнала б. Передавай привет дядьку Дороху, матке и пожелай им всего хорошего. Привет Толяну, Матруне, Нине. До свиданья, целую вас. По этому адресу больше не пиши, а жди следующего письма. Твой муж Назарчук.

18 июня 1944 г.



Письмо от твоего мужа. Здравствуйте, Раиса, Тамара, Валя! Поздравляю вас с Новым годом, с новым счастьем! Дай бог, чтобы 1945 г. был годом лучшим, нежели был 1944 г. Дорогая Раиса, стоит только напомнить прошлое время, когда бродили по Смолегову, всё это останется надолго в памяти. Правда, Раиса? Сейчас пока идёт война. Время тоже тяжёлое для меня и для тебя тем более, но я бы сказал гораздо лучше, нежели было ранее. Сейчас я чувствую себя гораздо лучше и думаю, что тебе как ни трудно, но лучше, чем было в Смолегове. Да, Раиса? Скоро война закончится и тогда соберёмся мы с тобой и своими дочками, сядем за столом, выпьем по рюмке и будем припоминать всё прошлое. Словом, когда встретимся живыми, то будет о чём вспомнить и будет чего рассказать. Много чего за это время пережили. Затем посылаю свой новогодний привет родным. Раисе, Тамаре, Вале желаю хороших успехов и быстрой встречи. Пусть для нас это сбудется. Вот такое у меня пожелание. Привет дядьке Дороху, Мити. Поздравляю с Новым годом. Привет Матроне, Нине.

Декабрь 1944 г.



Письмо из фронта у родной край для многоуважаемой сестры Раисы и дочек Томки и Вальки.

Добрый день, мои дорогие! Раиса, в первых строках своего письма спешу я тебе сообщить, что я твоё письмо получил, за которое я тебя, моя дорогая, очень благодарю. Я узнал о твоём здоровье и о близких. Раиса, я в настоящее время жив и

здоров, чего и тебе с дочками желаю. Нахожусь на старом месте, чувствую себя хорошо. Раиса, ты пишешь, что от Феди нет уже писем 3 месяца. Я от него получил письмо, тоже уже месяца полтора. Он мне писал, что находится в Карпатах в артиллерии. Я ему послал письмо, но ответа нет. Не знаю, что с ним, но если бы он выбыл из своей части, то письмо вернулось бы назад. Этого нет, так что есть так что-то. Наверное, нет времени писать. Ведь они всё время наступают. Это я знаю, что в настоящий момент некогда писем писать. От Пилипа я получил на днях письмо. Он от меня недалеко. Раиса, извини, что мало пишу. У нас уже снега нет и начал развиваться

лес. Цветут цветы, жужжат через голову жуки, звенят пчёлки, но не до них нам, ждём немцев ночью. Но это всё пустяки. Мы уже привыкли.

Томка и Валька, пишите, как ваше здоровье. Уже большие выросли? Як, гуляете на улице? Цицёпла уже, бо у нас цветут уже цветы. Томка, я посылаю тебе и Вальке по открытке девок и лист бумаги на ответ.

До свиданья, дорогие доченьки. Крепко я вас целую. Ваш хросный папка Дмитрий. Привет передаю Дороху и Дорошисе, и тётке Пелагеи, а также моим домашним маме, и жене, и дочке, и сестре Любе, и Анюте, и её хлопцам, и Наде, и Павлику.

Пишите, жду ответа с нетерпением.

8 апреля 1945 г.

Приходько Григорий Степанович



В боях Великой Отечественной войны мне довелось участвовать уже после поражения немецко-фашистских захватчиков под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Но это был ещё мощный противник, на Германию работала экономика всей Европы, враг обладал сильной армией с огромным опытом ведения войны, вооружённой новейшей техникой. Кроме этого, потерпев неудачу в наступлении, враг был подобен раненому зверю, который защищался до последнего, ни одной позиции не сдавал без боя, стремился не допустить полного поражения, избежать наказания за преступления, совершённые на оккупированных территориях.

В составе 385 стрелкового полка I Украинского фронта я участвовал в боях за освобождение Украины, Польши, Чехословакии. Фронтная жизнь прошла в боях, траншеях, окопах, землянках. Все бои были тяжёлыми, кровавыми. Наиболее ожесточёнными остались в памяти - это форсирование Вислы и захват Сандомирского плацдарма, форсирование реки Одер и взятие города Бреслау.

Нашему полку была поставлена задача форсировать реку Висла южнее города Сандомир. Ценой больших потерь (в стрелковых ротах состав солдат от 100-120 человек, а в каждой осталось по 15-20 солдат) удалось форсировать реку и захватить так называемый Сандомирский Плацдарм (от г.Сандомир), имевший стратегическое значение для наступления на Берлин. За успешное проведение операции полку было присвоено наименование «Висленский». По слухам того времени Сандомирский плацдарм Гитлер называл заряженным пистолетом, направленным в висок Германии. Немцы пытались любой ценой отбросить наши войска назад, за Вислу.

Наши подразделения, получив подкрепление людьми, техникой, при поддержке авиации не только сдержали натиск немцев, но и защитили плацдарм. Потеряв надежду на успех, противник перешёл в оборону и приступил к строительству многоэшелонированной обороны.

Наши войска начали усиленную подготовку для дальнейшего наступления. На плацдарм были введены свежие стрелковые подразделения, сосредоточено большое количество техники.

В один из мартовских дней 1945 г. на рассвете началось наступление. На оборону противника обрушился мощный шквал огня из артиллерийских орудий, «Катюш», миномётов. Отдельные выстрелы орудий слились в единый страшный гром и молнию, светилось небо, стонала и дрожала земля. После длительной артподготовки на укрепления немцев двинулись танки, за танками пошли мы – пехотинцы, с воздуха штурмовали и бомбили идущие один за другим наши самолёты. Сильного

сопротивления противник оказать не смог, его оборонительная полоса представляла собой перепаханное поле, от проволочных заграждений валялись куски проволоки. Оставшиеся в живых, повергнутые в шоковое состояние огненным смерчем фашисты выходили из разрушенных укреплений с поднятыми вверх руками, дрожа произносили: «Гитлер капут».

Прорвав оборону немцев, наши войска начали стремительное наступление к границам Германии. Не давая возможности противнику закрепиться, вышли к берегам реки Одер. Нашему полку опять пришлось участвовать в форсировании этой реки и с такими же трудностями, как и на реке Висла отстаивать плацдарм на её левом берегу.

С этого плацдарма часть войск I Украинского фронта вела бои в направлении Берлина, другая, в том числе и наш полк, - в направлении крупного военно-промышленного города Бреслау. При взятии Бреслау в уличных боях я был ранен и в бессознательном состоянии доставлен в эвакогоспиталь, где для меня и закончилась война, и пришёл долгожданный День Победы.

Вспоминая о войне, в памяти всплывают светлые образы рядом идущих в бою офицеров, которые не только умело командовали, но и постоянно проявляли заботу о физическом и моральном состоянии вверенных им солдат. Вот один из примеров лично моей фронтовой жизни.

В одном из боёв, захватив вражеские траншеи, я расположился передохнуть от огромной усталости. Слышу, называют мою фамилию и в сопровождении командира роты ко мне подходит старший офицер штаба полка. Я представляюсь по-солдатски, он и говорит: «Молодой, маленький, а воюешь хорошо. За это правительство и наградило тебя». Вручает мне медаль «За Отвагу» и временное удостоверение, где было написано «За образцовое выполнение заданий командования на фронте в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР Приходько Г.С. награждён медалью «За Отвагу». По-отцовски тепло обнял меня, грязного, пропахшего порохом, дымом, трижды поцеловал и сказал: «Воюй, сынок! Родина тебя не забудет». Это придало мне второе дыхание, и я готов был, не чувствуя усталости, продолжать выполнять любое задание.

Так же тепло были вручены вторая медаль «За отвагу» и орден Славы III степени за форсирование реки Одер.

Григорий Иванович Приходько прожил достойную, насыщенную событиями жизнь и заслужил вечную память. Ушёл из жизни последний фронтовик Ельцины. Его сердце остановилось ранним утром 14 марта 2022 года.

Рагозенко Владимир Васильевич родился 21.10.1930 года в д. Погорелое Ельского района. До войны успел закончить 3 класса. В годы войны помогал партизанам в борьбе против фашистских захватчиков. После войны продолжил учёбу в школе. Одновременно работал в колхозе. С 1951 по 1954 года служил в рядах Советской Армии. После службы остался работать в колхозе. Работал полеводом, затем бригадиром, заправщиком ГСМ, колхозным лесником. В настоящее время на заслуженном отдыхе.

Награждён медалью «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 – 1945 гг.»



Всё как будто замерло в ожидании. Фронт приближался с каждым днём. Иногда доносились выстрелы орудий. Мы, и взрослые, и дети, понимали, что рано или поздно фашисты придут в нашу деревню. Все стали усиленно готовиться к этому. Мы знали, что, когда появятся немцы, то станут отбирать у нас продовольствие и живность. Нужно было по возможности это всё припрятать. Вот этим мы и занимались после того, как узнали о начале войны. А было это совсем не легко делать! Ведь мне тогда было всего 11 лет. А все взрослые здоровые мужчины ушли на фронт. Поэтому надежда была только на свои силы. Это я как-то сразу понял и безропотно помогал своей маме и бабке в этом важном деле.

Вскоре у меня появилось большое и важное дело: по решению Ельского райкома КП(б)Б нужно было срочно перегнать скот на территорию Брянской области, подальше от приближающихся захватчиков. Так я был приставлен в помощники к своему старшему брату и его товарищу. Когда вернулись, немцев в деревне ещё не было. Но это только пока!

К нам уже стали доходить сведения о зверствах фашистов, которые они творили на захваченных ими территориях. Сосед, вернувшийся недавно из Ельска, рассказал, что первые дни своего господства они отметили массовым уничтожением общественных и жилых помещений. Десятки домов были разрушены и сожжены. А

сейчас они начинают строительство тюрьмы, на центральной площади уже поставили виселицу.

Война в нашу забытую Богом деревушку пришла в конце августа 1941 года. Немцы в чёрных мундирах завернули сюда на грузовике и двух мотоциклах с колясками. Бесперывно стреляя, они хватали всё, что у кого осталось с живности: кур, поросят, забирали яйца, молоко. Вскоре они уехали, оставив после себя клубы пыли и страх, который они посеяли среди сельчан.

Самым страшным и тяжёлым для нас был следующий 1942 год. Именно в это время фашисты усиливают свои злодеяния. В связи с ростом партизанской войны, оккупанты организовали настоящую охоту на семьи партизан. Стали уничтожать целые деревни.

В этот день ничего не предвещало беды. Был ясный, тихий, солнечный день. Неожиданно нагрянули фашисты. Везде им мерещились партизаны. Начали бегать по дворам, заглядывать в дома, сараи, на чердаки. Я с матерью и бабушкой успели спрятаться за близлежащими деревьями. Мы со страхом наблюдали за действиями гитлеровцев. А они в это время начали загонять в дома и сараи людей, глухо заколачивали двери и стали их поджигать. Эту жуткую картину невозможно было наблюдать. Мы стали уходить в лес.

Тем летом 1942 года в нашей деревне было заживо сожжено 60 человек, из них: мужчин – 22, женщин – 27, стариков – 9, детей – 2. Кроме того, немецкие изверги подвергли жестоким пыткам колхозников Засинца Степана Игнатьевича, Засинца Степана Ивановича, Хилькевича Степана Ивановича. Они содрали им кожу с головы, выкололи глаза, после чего повесили на дерево, а затем сбросили их тела в ручей.

Все эти страшные факты мы узнали, когда я уже находился в партизанском отряде. Я, как мог, старался помогать партизанам. К моему сожалению, мне доверяли только работу по хозяйству, иногда разрешали чистить оружие. И я этим очень гордился, понимая, что хотя бы этим вношу свой посильный вклад в будущую победу. А в ней мы не сомневались!

В 1943 году я стал связным в отряде. Боевая деятельность партизан усиливалась с каждым днём. Партизаны обеспечивали проведение весенне-полевых работ, уборку урожая и посев озимых в 1943 году. Организовывали заставы и засады на дорогах, не пропускали колонны людей, которых угоняли в рабство. Особое значение придавалось ударам по железнодорожным коммуникациям с целью срыва перевозок войск и техники оккупантов, вывоза в Германию награбленного имущества. Удары по железной дороге продолжались до освобождения района от гитлеровских оккупантов.

В конце лета мы узнали, что к нам приближается фронт. Стремительно приближалась Красная Армия. В октябре 1943г. она подошла к Днепру. Партизанам была поставлена задача: препятствовать отступлению фашистов. Для этого мы заваливали деревьями дороги, перекапывали их рвами.

Приближался долгожданный день освобождения родного края от ненавистных захватчиков.

После освобождения многие наши партизаны вместе с Красной Армией ушли добивать врага. Мы же остались восстанавливать разрушенное хозяйство.

Вот такая, дорогой внучек, была у меня война. И теперь я мечтаю и молю Бога только о том, чтобы это никогда не повторилось. Живите в мире, мои родные!

... Уже дома я ещё раз вспомнил рассказ деда. Я как-то вдруг по-другому стал смотреть на действительность. Нужно проникнуться ответственностью за будущее и мне. И не только мне, а всем нам, молодым, чтобы было не только у нас счастливое детство!



Загоровский Дмитрий Макарович, 1926 г.р., д. Засинцы.



На войну ушёл в 1945 году. Был в действующей армии. Мне тогда было девятнадцать лет. С боями дошёл до Чехословакии. Участвовал в боях за города Яромержице, Знойма. Много освобождал населённых пунктов за границей. Имею благодарность Верховного главнокомандующего.

Призывался в армию 15 апреля 1945 года в Австрии полевым военкоматом. После однодневной подготовки был направлен на фронт в 51 гвардейский артиллерийский полк 7 гвардейского артиллерийского корпуса 2 Украинского фронта. В военных действиях участвовал в Австрии и Чехословакии. Я был в качестве орудийного номера 76 мм противотанкового орудия.

Вот эпизод из боя. Пять фашистских танков прошли ряды нашей пехоты и устремились на наши артиллерийские позиции. Через две минуты один танк подбит, но в нашем орудийном расчёте один солдат погиб. Остальные 4 танка двигались на наши позиции. Пришлось стрелять в них прямой наводкой. Три танка подбили, а один всё же прорвался через окопы, сокрушая всё на своём пути. Но вскоре его подбила тяжёлая артиллерия, что была за нами. Нашу оборону враг обстреливал очень интенсивно. Каждые пять минут взрывался вражеский снаряд или мина днём и ночью. Потери были и у нас. На войне, как на войне. Но враг был обречён.

О капитуляции фашистской армии узнали уже на подходе к городу Прага, где бои ещё происходили и после капитуляции.



Красноармейскую книжку иметь всегда при себе, не и-ею из книжек задерживать

V. "оружие и техническое имущество"

Наименование имущества и вооружения	Кол-во	ВРЕМЯ			
		Выданы	Сдачи	Год	Мес и число
Каратин М79	1			46	20.2
Броневода	1			46	20.7
Каратин М79	1			46	20.2
Артиллерия 76	1			46	9.2



Загоровский Дмитрий Макарович

ЗА ХРАБРОСТЬ, СТОЙКОСТЬ И МУЖЕСТВО, ПРОЯВЛЕННЫЕ В ВОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ, И В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 40-ЛЕТИЯ ПОВЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В БЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 — 1945 ГОДОВ

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 11 марта 1985 г. НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ II степени

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *Григорьев*

№ ордена *1685226*

В № 801026



Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не иметь их книжек задерживать

1. Фамилия *Загоровский*

2. Имя и отчество *Дмитрий Макорович*

3. Звание и должность *орудийный мастер орудийный мастер*

4. Наименование части (учреждения) *51 св. Корпусной Арт. полк*

5. Наименование подразделения (батальон, рота) *1 бат. 1-го дна*

6. № личного знака _____

Личная подпись владельца книжки _____

Место для ф. токартки владельца книжки _____

печати части _____

194 г.

V. Вооружение и техническое имущество

Наименование имущества и вооружения	Количество		ВРЕМЯ				
	Выдано	Сдано	Выдачи		Сдачи		
			Год	М с ц и число	Год	М с ц и число	
<i>Карабин № 6722</i>				<i>46</i>	<i>20</i>		
<i>Броневода</i>	<i>1</i>			<i>46</i>	<i>20</i>		
<i>Карабин № 317</i>				<i>26</i>	<i>9</i>	<i>20</i>	
<i>Артиллерийский 722</i>	<i>1</i>			<i>46</i>	<i>9</i>	<i>20</i>	

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. Номера винтовки, противогаза и других предметов вооружения проставляются в графе „Наименование имущества и вооружения“.

2. В книжку записываются винтовки и другое оружие с перечислением положенных к нему и выданных красноармейцу принадлежностей и запасных деталей (индивидуальный ЗИП).

11

Раковецкая Ольга Аврамовна, 1921 г.р., воспоминания.



В деревне Добрынь немцы появились во время уборки ржи. Колонна немцев на мотоциклах двигалась по дороге с Овруча в направлении Мозыря. Шли, как чёрная туча, а осенью 1941 года немцы нагнали разной техники. Нас отогнали от дороги к дому Астапа. Сами немцы заняли наши дома (всего 26 хат). Оккупация длилась до 1944 года.

Немцы были жестокими, но гораздо более жестокими в отношении мирного населения были полицаи. Они сильно издевались над односельчанами.

Летом 1944 г. начальники полиции со своими семьями убегали из Беларуси на Украину. В Добрыне был их сборный пункт. Набралось их тут почти 500 человек. На протяжении двух недель, в течение которых они были в деревне, полицаи занимались грабежом и разбоем. С награбленным добром они направились в сторону Овруча, но до пункта назначения не добрались, попав под обстрел Красной армии. Оставшиеся в живых полицаи и их семьи (16 человек) добирались обратно к своим селищам. Я жила рядом с дорогой и видела всё своими глазами.

Все тяготы войны перенесла на себе и никому не пожелаю такого горя, как война. Деревня Добрынь очень пострадала. Когда наши войска пришли из Наровлянского района и окопались в урочище Бункер, то находившиеся в деревне полицаи сообщали немцам расположение орудий. Немцы находились в Ельске и, благодаря этим сведениям, били прямой наводкой из здания церкви по позициям наших солдат. А когда доносчиков выявили, то обстрелы прекратились.

Добрынь освободили перед Колядами в 1944 году.

Из воспоминаний Копача Василия Андреевича



Копач Василий Андреевич – живой свидетель кровавых злодеяний фашистов в д. Жуки рассказывает: «Это было летом 1943 года. Жить в лесу в куренях стало невозможно, беспокоили немцы. С рассветом, прихватив с собой одежду, постельные принадлежности и кое-что из продуктов, всё население оставило курени. Прятались среди болот. Возвращались только ночью. В тот день мать с младшими детьми ушла дальше, а я с Радько Алексеем Трофимовичем и Морозом Степаном Марковичем остались на краю болота пасти коров. Пошёл сильный дождь. Мы решили вернуться в курени, чтобы переждать дождь. Как только я переступил порог, кто-то больно ударил меня по ногам. Подняв голову, я увидел перед собой немца с направленным на меня пистолетом. Моих товарищей также поймали. Когда прекратился дождь, нас и наших коров немцы погнали в Жуки. На школьном дворе нас допрашивали. Спрашивали о партизанах и их семьях, о коммунистах. Затем отвели в конец деревни, на ток. Сидели там двое суток. Охраняли нас два старых немецких солдата, воевавших ещё в первую мировую войну и умевших немного разговаривать по-русски. Мы попросили принести с поля соломы, так как было очень холодно, шли дожди. И сбежали. А через три дня немцы устроили облаву по всем окрестным лесам и болотам. Всех, кто пытался бежать, расстреливали на месте. Остальных группами отводили в Жуки и расстреливали или отвозили в Ельск для отправки в Германию. Я спрятался в яме под выдернутым деревом.

Несколько дней немцы делали облавы. Было вырыто несколько огромных ям. Все они заполнялись трупами расстрелянных и ещё живых людей, засыпали песком. Людей хоронили заживо. По несколько суток эти ямы стонали и дышали, но спасти людей не было никакой возможности. Немцы очень зверствовали. Только много времени спустя я узнал, с чем были связаны их зверства: их здорово потрепали на Курской дуге.

Щецко Надежда Фёдоровна



Родилась я в деревне Ремезы в 1925 году в небольшой крестьянской семье. Родители – Александра Леонтьевна (1900 г.р.) и Фёдор Герасимович (1894 г.р.) – трудились на земле. В семье у нас было двое детей. Младшая сестричка умерла в 1934 году от болезни, ей было только 5 годиков. В 1935 году умерла и мать от двухстороннего воспаления лёгких. Отец работал в колхозе. О начале войны мы узнали от своих односельчан. Хорошо помню, что мы с подружками шли по улице и мечтали о счастливом будущем.

Через две недели через нашу улицу шли окруженцы – наши солдаты. Они искали партизанские отряды. А позже пришли немцы, принесли «новый порядок».

Немцы начали набор в Германию населения Ельского района. Повсюду происходили массовые облавы с целью захвата трудоспособного населения. Не исключением была и наша деревня. Первый набор в Германию был произведён в июле 1942 года. Староста сам назначил тех, кто должен был составить этот список населения, были и добровольцы. Но это были отчаявшиеся люди, которым не давали покоя полицаи: вербовали служить немцам, грозились расправой.

Второй набор был 16 октября 1942 года. Немцы прибыли в деревню и схватили более 20 человек: 11 девушек и 11 парней, четверо женатых мужчин. Среди девушек была и я. Всех я хорошо помню до сих пор:

1. Ильюк Фёдор Павлович
2. Ильюк Николай Кузьмич
3. Дудковский Адам Лаврентьевич
4. Байнарович Павелия Адамовна
5. Гайдук Владимир Алексеевич
6. Жигadlo Василий Матвеевич
7. Козленко Аркадий Никитич
8. Крент Алексей Сергеевич
9. Крент Варвара Ивановна
10. Крент Екатерина Алексеевна
11. Крент Анна Лаврентьевна
12. Крент Анна Саковна
13. Протас Василий
14. Сыч Адам Андреевич
15. Сыч Иван Павлович
16. Судас Елена Николаевна
17. Сивчук Анна Филимоновна
18. Сивчук Ольга Ильинична
19. Трошко Ольга Якимовна
20. Щецко Анна Лукьяновна
21. Щецко Надежда Антоновна
22. Щецко Надежда Фёдоровна
23. Щецко Фёдор Павлович

24. Шецко Захар Ильич

25. Цык Ольга Ивановна

26. Шецко Дмитрий Яковлевич

На подводах нас отвезли в г. Ельск, разместили в сельповском складе. Было очень холодно. Через неделю перевезли в одну из школ города Мозыря. На станцию «Пхов» пришёл эшелон со скотом. Нас посадили в эти вагоны, которые были с навозом, грязные и мокрые. Мы нарвали травы, чтобы можно было сесть в вагонах или прилечь. Повезли нас в сторону г. Пинска. На станции Старушки поезд наш остановился, так как партизаны сорвали путь. Многие пассажиры разбежались, некоторые были убиты немцами. Всех, кто остался, отправили в г. Львов. Там нам сделали дезинфекцию. Мы очень боялись, думали, что нас всех сожгут в печах.

Началась долгая дорога в Германию. Мы проехали немецкие города: Эссен, Берлин и другие, уже все и не помню. Прибыли в город Ольденбург. Там нам раздали номерки разных цветов: белые, синие, красные - рассортировали. Иногда наших людей привозили на специально отведенную площадку, где немцы-покупатели забирали к себе восточных рабочих.

Нашу группу привезли в город Бремен. Пробыли там шесть месяцев. Жизнь была увенчана каторжным трудом: мы расчищали завалы разрушенных зданий, разбивали кирками кирпичи, мусор грузили на машины. Нельзя было даже разогнуться, надзиратель бил нагайкой по спине.

Жили мы в бараках. Рацион питания был очень скудным. Кормили супом из сухой брюквы. Хлеб давали по маленькому кусочку, в котором были примеси пирсы.

Суп с червями горький,
Ем я поскорей,
Чтоб добавки с ложку
Получить скорей.

Лёжа на нарах в бараках, сочиняли стихи, песни о своей тяжёлой судьбе. Потом рассказывали их друг другу.

Раскинулись горы высоко,
В ущелье бараки стоят
А в этих бараках высоких
Рабочие с Востока сидят.
Не слышно там песен весёлых,
Но слышны страданья людей,
Которых привезли работать
С широких колхозных полей.
Я знаю, на Родине нашей
Цветут, зеленеют сады
И светит там яркое солнце,
И громко поют соловьи.
Живу за границей два года,
Живу я «житухой» плохой.
И снова я буду счастлива,
Когда возвращусь я домой.

Ах, мама моя дорогая,
Я хлеба здесь вволю не ем,
Питаюсь одной баландою
И силу теряю совсем.

Не в силах я больше работать.
Работать я завтра не иду.
Отправят меня в концлагерь,
И там я, наверно, умру.
Раскинулись горы высоко,
В ущелье бараки стоят.
Работаем днём мы тяжёло
А ночью нас сильно бомбят.

В наших стихах, песнях было всё: жалость на судьбу, тяжёлая участь, тоска по родному дому.

Здравствуй мать, прими письмо от сына,
Пишет сын тебе издалека.
Что я жив, но жизнь моя разбита,
Одинока, скучна и горька.
Завезли меня в края чужие
С одинокой буйной головой
И разбили жизнь мне молодую,
Разлучили, мамонька, с тобой.
Вспомни мамонька, как я играл на сцене,
Веселил рабочий весь народ,
И ты поздно вечерами
Ожидала сына у ворот.
Жаль, ой жаль, что брата я не увижу
И сестру, которую люблю.
И тебя, родная мать, обижу,
Что ушёл и больше не приду.
Расскажу тебе я, мать родная,
Как живу я здесь в лагерях.
Я живу не лучше заключённых
И приходится работать и страдать.
В 5 часов идём мы на работу,
Поздно вечером возвращаемся назад.
А потом идём в столовую
Свой несчастный ужин получать.
А в столовке, мама дорогая,
Ты услышишь, что только захотишь:
Один мать родную вспоминает,
А другая прокликает жизнь.

Около нашего барака был лагерь военнопленных. Однажды к нам забежали пленные. Они искали своих, чтобы пообщаться. Но нашлись те, кто доложил коменданту. Наша староста была полностью избита, лицо превратилось в месиво крови.

Немецкая собака покусала мне сильно ногу. Долго пришлось лечить рану, но я даже виду не подавала, что у меня существует проблема. Ведь можно было легко распрощаться с жизнью. От этой раны так и остался знак на ноге.

Нас перевезли в город Мангейм. Город был очень красивый, всё утопало в цветах. 6 августа 1943 года был налёт самолётов на город. Город превратился в руины. Нам пришлось опять тяжело трудиться: мы опять разбирали разрушенные здания.

Новый комендант был очень злой, звали мы его Гунд. Вспоминается случай в столовой. Мы за столом говорили о жизни на родине. Кто-то из нас произнёс слова, что у нас стало лучше жить. Коменданту слышалось слово Сталин. Нам пришлось объяснять, какое слово было произнесено. Так мы в очередной раз избежали участи попасть в концлагерь.

Однажды комендант хотел устроить перед Новым годом праздник, принёс гармонь. Но никто из наших не вышел из барака. Тогда нас силой выгнали на улицу, построили друг от друга на расстоянии вытянутых рук, чтобы мы не могли оказывать поддержку друг другу. Так мы простояли очень долго. Комендант кричал, чтобы мы не ждали ветра с Востока, все мы будем уничтожены. Все мы рабы, будем работать на немцев. Он уже присмотрел земли под Полтавой. Любил повторять следующие слова: «Как не видать реки Волги с обратным течением, так не видать больше Советского Союза».

Бомбили очень часто. Однажды налетел самолёт, а мы в это время работали. Добежать к бункера мы не успели, забежали в здание школы. Бомба упала прямо на здание. Кругом стояла пыль, многие погибли. Мне балка упала на голову, я потеряла сознание. Сейчас я инвалид первой группы по зрению. Врачи сказали, что это последствия удара.

Лагерь, где мы жили, был сожжён горячей ракетой.



(Надежда Фёдоровна 3-я справа в 3-ем ряду, около женщины в белом платье)

Нас освободили американцы. Сигнали в военные казармы, собралось много людей. Приехал на легковой машине большой чин советских войск. Он обратился с просьбой потерпеть немного, и, когда будут налажены дороги, нас отправят домой. Так мы скитались в Германии ещё целых два месяца.

Желание возвратиться домой было сильнее всего. Впятером мы надумали возвращаться домой. Помню, как пробирались через реку, на которой не было моста. Пришли к границе советско-германских войск. Жили в собачьих вольерах, пока не пришёл эшелон. Приехали в город Лунинец, пересели в другой товарняк, приехали в город Мозырь. В Мозыре я пошла за водой и отстала от поезда. Но села на другой состав и догнала в Ельске своих.

Дома меня никто не встречал. Отец был в армии, а мать умерла ещё до войны.

Перемена климата сказалась на моём здоровье. Я стала болеть, на ногах открылись раны. Когда пришёл отец с фронта, отвёз в больницу. Мне сделали переливание крови, и я скоро пошла на поправку.

Жизнь стала налаживаться. Работала бухгалтером в колхозе. В 1950 году вышла замуж, воспитала двоих детей. Имею двоих внуков.

Молодому поколению я желаю мирного неба над головой. Пусть никогда не будет войны и искалеченных судеб.

